

МНОГИЕ, кто пишет сегодня о Г. А. Товстоногове, начинают разговор об этом режиссере с его «Оптимистической трагедии». Но ведь создатель спектакля, отмеченного Ленинской премией, — это уже утвердившийся, признанный Г. Товстоногов, вступивший в период творческой зрелости. О нем много говорят, его творчество изучают, анализируют. Каждый его спектакль становится предметом серьезного обсуждения.

Таков Г. Товстоногов последнего десятилетия.

В нынешнем сезоне отмечается 30-летие его творческой деятельности. И сегодня мне кажется необходимым напомнить кое-что из того, что предшествовало этому десятилетию.

...Творческая судьба молодого режиссера в Тбилиси складывалась благополучно. Он мог спокойно работать в хорошем театре, но уехал от этого благополучия, уехал навстречу трудностям, в Москву, где его почти никто не знал. Ни один из московских театров не захотел включить в свою труппу неизвестного режиссера, который мог оказаться бесполезным, — таких и без него было более чем достаточно.

Когда же наконец ему предложили выбор: быть очередным режиссером в крупном театре или главным в маленьком, он предпочел второе. Он хотел не просто ставить спектакли, он хотел создавать свой театр.

В Московском гастрольном театре, куда он был направлен, Г. Товстоногов поставил «Павла Корчагина». У него не было исключительных условий для работы. У него не

было труппы, воспитанной в единых принципах и единой методологии. У него не было технически оснащенной сцены. У него был трехнедельный срок для работы и была инсценировка, которую он не мог исполнить в условиях данного театра, так как смета была крайне ограниченной.

За три недели он поставил спектакль, предварительно сделав новую инсценировку. И в этом спектакле было и интересное, своеобразное решение, и хороший актерский ансамбль, и скромное, но соответствующее замыслу оформление.

Я считаю необходимым напомнить об этом сегодня, потому что часто приходится слышать: «Ну что вы сравниваете нас с Товстоноговым, у него же исключительные условия».

Все, чего достиг он сегодня, пришло благодаря таланту и труду. Его никто не «тянул», ему никто не делал скидки на молодость, на отсутствие опыта, на то, что он работает в трудных условиях. Его путь в искусство не был простым и легким. Он не принадлежал к «баловням судьбы». Ведущее положение он занял не благодаря счастливой игре случая, а пришел к нему закономерно, преодолевая театральную непогоду.

...Когда Товстоногов начал ставить в Центральном детском театре пьесу «Где-то в Сибири», некоторые занятые в этой постановке актеры почти открыто выражали свое недовольство приглашением неизвестного режиссера. Ему пришлось начать работу с коллективом, в котором были люди, в него не верившие.

Но Товстоногов все-таки взялся за эту работу. И поставил отличный спектакль. Сейчас о нем почти не вспоминают, а напрасно. «Где-то в Сибири» — тонкий, умный, правдивый спектакль. Временами у сидящих в зале возникало почти физическое ощущение соучастия в том, что происходит на сцене. Это было тем более дорого, что появился этот спектакль в период, когда серость, безликость, примитивное представительство заполняли сцену.

«Где-то в Сибири» — одно из самых лучших созданий режиссера, его принципиальная удача.

Именно после удачи в Центральном детском театре его пригласили в Ленинград и предложили стать

ПУТЬ НЕ БЫЛ ПРОСТЫМ...

главным режиссером Театра имени Ленинского комсомола.

Сейчас в Ленинграде можно услышать историю его первого появления в городе: по театру ходил очень худой, странного вида человек, всегда в одном и том же костюме с залплатой на колене. Он смотрел на все живым, любопытным взглядом, глаза его загорались, едва он начинал говорить об искусстве.

Он буквально жил в театре, работал бесперывно, без усталости, без передышки, заражая людей энергией, и вокруг него все теснее собирались те, кто жаждал настоящего творчества. Скоро весь коллектив был буквально охвачен творческой лихорадкой, очередной спектакль создавался усилиями всех и каждого.

И вот в театре один за другим стали появляться замечательные спектакли — «Студенты», «Дорогой бессмертия», «Шелковое сознанье», «Гибель эскадры», «Первая весна»... О театре заговорили как об одном из интереснейших в стране.

Все больше писалось статей о Товстоногове; театры стремились заполучить его хотя бы на один спектакль, актеры хотели с ним работать. Этот интерес особенно возрос после огромного успеха его «Оптимистической трагедии» в Театре имени Пушкина.

В эти годы серьезный творческий кризис переживал в Ленинграде Большой драматический театр имени Горького. На спектаклях в зале

сидело по двадцать человек. Холодно, неудобно, пусто было в театре.

Товстоногов принял коллектив, и через год Большой драматический театр имени Горького стал самым популярным, любимым, самым посещаемым в Ленинграде. И до сих пор остается таким.

Что же произошло? Ведь не только обаяние известного имени или любопытство к «модному» режиссеру привлекло зрителей в театр. На этом можно продержаться год, ну два. А Товстоногов работает в БДТ уже десятый год.

Человек и время — вот главная тема режиссера Товстоногова. Человек в сложном многообразии мыслей, чувств, поступков. Театр верен горьковским традициям не

Творческий портрет

потому, что носит имя Горького, а по существу, развивая в своем творчестве горьковскую мысль о человеке, который должен понять, как он велик и прекрасен.

— Человеческое может быть взято в любом преломлении, — говорит Товстоногов, — в героическом, лирическом, психологическом, сатирическом, гротескном. Чем разнообразнее берется эта тема с точки зрения жанра, тем богаче и глубже она раскрывается.

Вот почему у этого режиссера нет спектаклей случайных, проходных, незначительных. Конечно, у Товстоногова, как и у каждого режиссера, были спектакли менее удачные и более удачные, но у него не бывает мелких, равнодушных работ. Каждое произведение — звено в цепи его общих поисков, этап в развитии главной темы его искусства.

Он ставит «Оптимистическую трагедию» не только потому, что необходимо было вернуть зрителю эту замечательную пьесу, не только потому, что он хотел напомнить о славном прошлом, а главным образом потому, что сам ощущал необходимость разговора о том, что революция совершалась во имя прекрасных целей и светлых идеалов. Поэтому основным в спектакле стал конфликт между Комиссаром и Вожаком, как конфликт двух взаимоисключающих мировоззрений.

Он ставит «Океан» как произве-

дение остро публицистическое, где идет принципиальный спор о понимании своего назначения и призвания в жизни, о роли руководителя как роли творческой и глубоко человеческой.

Он раскрывает в «Моей старшей сестре» тему человеческого таланта, который непременно проявится. Он снова ведет разговор о смысле жизни, о призвании, о смелости выбора самого трудного пути, но ведет его на совершенно ином драматургическом материале.

Он ставит «Идиота», чтобы сказать людям о величайшей человечности, о душевном благородстве и чистоте помыслов, о том, что должно стать нормой современной жизни.

Он ставит «Варваров», чтобы призвать людей к необходимости преодолевать черствость, трусость, компромиссность, варварство в самих себе.

Он протестует против пассивности и равнодушия. И чтобы сказать об этом не как о частных случаях, а как о сложном явлении, ему нужен был такой жестокий и гуманный союзник, как Чехов. Поэтому он ставит «Трех сестер».

И так во всем, в каждом спектакле. Пьеса включается в репертуар не только потому, что она хороша с литературной и драматургической точки зрения, а потому, что она соответствует на данном этапе стремлению театра сказать о человеке и о времени. Поэтому любой спектакль Товстоногова, независимо от того, ставит ли он пьесу, написанную только что или сто лет назад, современен.

И точно зная, что он хочет сказать данным спектаклем, режиссер находит форму, наиболее полно, ярко, точно выражающую его замысел. Так возник образ дороги в «Оптимистической трагедии», как образ движения в будущее. Так возникла в «Океане» потребность оставить зрителя наедине с мыслями героев, поэтому актеры были максимально приближены к людям, сидящим в зрительном зале, сцена освобождена от всего, что мешало восприятию мысли.

Так возникла форма спектакля-диспута в «Лисе и винограде», где шел философский спор о свободе.

Так возникло противопоставление смешного и страшного, определившее жанр горьковских «Варваров» как трагикомедию.

Так определилась необходимость построить «Трех сестер» по принципу резкой контрастности беззаботной светлости первого акта и все более сгущающегося трагизма последующих.

Каждый спектакль Товстоногова отличается стройностью и точностью замысла, горячим, активным отношением режиссера и актеров к своим сценическим героям, умением реализовать этот замысел во всех частностях спектакля, реализовать не только рационально, умозрительно, а с огром-

ной душевной отдачей.

Товстоногову-постановщику отдают должное все. Но тем не менее это не самая главная сторона его искусства. Сильнее всего Товстоногов-психолог. Вот почему его спектакли отличаются всегда и стройная ансамблевость, и отличные актерские работы. Ни один режиссер, пожалуй, не знает такого количества актерских «открытий». Труппа Большого драматического театра имени Горького сейчас является одной из самых сильных. И она сильна не только яркими актерскими индивидуальностями, но и единством художественных принципов, единством творческих устремлений. Т. Доронина и Э. Попова, З. Шарко и Л. Макарова, Е. Лебедев и Е. Копелян, В. Стрельчик и В. Татосов, С. Юрский и К. Лавров, М. Волков и О. Басилашвили — не только своеобразные актеры, они — коллектив

ТЕАТРАЛЬНАЯ СТРАНИЦА

единомышленников. И это является залогом их побед.

...Конечно, он изменился. Он стал мудрее, но холодок успокоенности и равнодушия не коснулся его. Он по-прежнему часами не выходит из репетиционного зала, не давая во время работы передышки ни себе, ни другим. Он полон творческих замыслов, их у него так много, что он не успевает осуществить даже малую часть того, о чем мечтает. Он по-прежнему живет в постоянном творческом горении и беспокое. Он отлично понимает все возрастающую меру ответственности за каждый спектакль руководимого им театра.

...Он, улыбаясь, выходит на сцену после очередной премьеры. Но мы не видели, как он нервно ходил несколько часов за кулисами, прислушиваясь к реакции зрительного зала. Мы не увидим, как он после, казалось бы, очевидного успеха спектакля, будет часами мрачно сидеть у себя в кабинете, холодно отвечая на поздравления, и назавтра снова вызовет всех актеров на репетицию. А если спектакль, с его точки зрения, прошел хорошо, он перестанет о нем думать и на другой день начнет работу над следующей пьесой. Все начнется с самого начала — поиски, волнения, муки и радости творчества...

В. РЫЖОВА.